Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Реликтовая чаша из Гнёздова¹

В. М. Горюнова²

Аннотация. В статье рассматривается редкая форма лепной посуды, аналогии которой встречаются на территории распространения культуры сопок (Золотое Колено, Старая Ладога, Которск) и менкендорфской керамической провинции (Германия).

Annotation. This article considers rare forms of stucco ware, parallels to which are found in the sopki culture (Zolotoye Koleno, Staraya Ladoga, Kotorsk) and the Menkendorf ceramic province (Germany).

Ключевые слова: культуры сопок и длинных курганов, чаши на полом поддоне, центральноевропейское влияние.

Keywords: culture of sopki, culture of long kurgans, bowls on a hollow pedestal, Central European influence.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-169-184

В Гнёздове в 1985 г. на раскопе XVII Центрального городища, в яме № 42, в верхней части ее заполнения был найден лепной не совсем обычный сосуд. Это была глубокая миска, посаженная на поддон, заполненная наполовину воском (рис. 1). Она имела коричнево-красный обжиг с черными пятнами. В тесте — примесь мелкой дресвы. Яма в своем заполнении содержала обычный бытовой инвентарь: медная проволока, глиняное пряслице, фрагмент грузила от ткацкого станка, желтый рубленый бисер, железный ключ-лопаточку, кусок рога со следами обработки, 477 костей животных, 179 фрагментов лепных и 45 фрагментов раннегончарных сосудов (Авдусин, Пушкина, 1986. С. 126–129).

Соотношение лепных и раннегончарных форм в составе этой ямы было обычным для материала сооружений городища, впущенных в материк: 80 % к 20 %. Ранее Т. А. Пушкина считала, что яму можно датировать начиная с середины X в. В 2018 г. в результате радиоуглеродного анализа воска получена дата UA 760AD (77,8 %) — 900AD³. В материалах Гнёздовского поселения Т. А. Пушкиной в свое время были отмечены фрагменты от подобного сосуда: верхняя часть и поддон от лепной миски, орнаментированной по срезу венчика отпечатками штампа (Пушкина, 1973. С. 91). При этом автор приводит аналогию из кургана-кенотафа X–XI вв. у с. Новый Кривск Гомельской области (Соловьева, 1971. С. 67, 68. Рис. 20, а, б). На поверхности угольного слоя в основании кургана была помещена

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0007 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: gorynova.valent@mail.ru.

³ Устное сообщение Н. В. Ениосовой. Благодарю за эту неопубликованную информацию. Анализ выполнен в радиоуглеродной лаборатории Университета Упсалы Й. Посснертом. По мнению Н. В. Ениосовой, широкая дата вызвана естественным загрязнением воска, но, тем не менее, воск из сосуда датируется IX в.

гончарная чаша на поддоне (рис. 2, 1), рядом с ней стоял гончарный сосуд, на внешней поверхности дна которого были прочерчены свастика и рисунок водоплавающей птицы (рис. 2, 2)⁴. В материалах раскопок А. Н. Лявданского известна небольшая лепная чашка на поддоне, обнаруженная в курганный группе у дер. Березняки (рис. 3, 1) (Лявданский, 1930. С. 269, 280. Табл. II, 1).

Чаша на поддоне из Гнёздова может быть поставлена в один ряд с такими же формами, известными в контексте культуры сопок. Тем более что форма гнёздовской миски, которая «посажена» на поддон, по своим типологическим особенностям соответствует так называемой «ладожской» керамике. Наиболее близки гнёздовскому сосуду по особенностям профилировки и пропорциям маленький чашевидный сосудик на поддоне из коллекции поселения Васильевское (рис. 3, 2) (Носов, Плохов, 2005. С. 327. Табл. 155, 2) и реконструированный мисковидный сосуд из Которска (рис. 3, 3) (Mikhaylova, 2014. S. 228. Fig. 13, 11). Датируются они X в. Чаша из сопки 1 Золотого

Колена несколько иного облика: шире и приземистее, с более выраженным острым ребром, по плечу и срезу венчика украшена оттисками веревочки (рис. 3, 4). Время погребения, в которое она была помещена, определяется второй половиной X в. (Носов, Плохов, 1991. С. 139. Рис. 2, 12). Сосуды на поддонах на памятниках сопочной культуры встречаются и в более раннее время. Об этом свидетельствует ряд находок поддонов. В Старой Ладоге, в слое горизонта Е-3 Земляного городища, был найден лепной лощеный поддон, по тесту и характеру обжига отличный от остальной массовой

1

2

⁴ Круговой сосуд на поддоне также известен в материалах курганов у дер. Каменка Рискоская Рогачевского района (Линденков, 2018. С. 162).

Рис. 1. Чаша на поддоне. Гнёздово, Центральное городище, 1982 г., участок XVII, яма 42

Fig. 1. Bowl on a pedestal. Gnezdovo, Central townsite, 1982, area XVII, pit 42

Рис. 2. Чаша на поддоне (1) и граффити на дне сосуда (2) из того же комплекса. Белоруссия, с. Новый Кривск Гомельской обл. (Соловьева, 1971)

Fig. 2. Bowl on a pedestal (1) and graffito on the bottom of a vessel (2) from the same complex. Byelorussia, village of Novy Krivsk, Homel Oblast (Соловьева, 1971)

Рис. 3. Чаши на поддонах из комплексов: 1 — Березняки (Ляўданскі, 1930); 2 — Васильевское (Носов, Плохов, 2005); 3 — Которск (Mikhaylova, 2014); 4 — Золотое Колено (Носов, Плохов, 1991). Масштабы: а — № 1, 2; б — 3, 4

Fig. 3. Bowls on a pedestal from complexes of 1 — Bereznyaki (Ляўданскі, 1930); 2 — Vasilyevskoye (Носов, Плохов, 2005); 3 — Kotorisk (Mikhaylova, 2014); 4 — Zolotoye Koleno (Носов, Плохов, 1991). Scale: a — nos. 1, 2; b — nos. 3, 4

керамики (Станкевич, 1950. С. 194–195. Рис. 3, 5). Второй поддон, обычного для старолadoжской керамики обжига и теста, обнаружен в культурном слое раскопа на Варяжской улице на уровне IX в. (Сениченкова, 1998. Табл. 75, 5). Кроме того, в коллекции поселения IX в. Холмопий городок также присутствует поддон от достаточно крупного лепного сосуда (Носов, Плохов, 2005. С. 351. Табл. 179, 3). Для полноты сведений об этом типе находок следует также упомянуть поддон от лепного сосуда, найденный на селище в урочище Курская гора⁵.

⁵ Благодарю А. В. Плохова за предоставленный мне для ознакомления рисунок этого поддона.

Аналогичные формы можно наблюдать в керамическом материале западнославянского поселения Гросс Раден, расположенного на северо-востоке Германии в округе Мекленбург. Среди многотысячной коллекции керамики этого памятника обращают на себя внимание четыре сосуда необычной формы (Schuldt, 1981. Taf. 66, a, b, c, d). Верхняя часть этих сосудов повторяет профилировку сосудов какой-то одной из групп, выделенных на этом памятнике Е. Шульдтом, а именно: гросс-раденского (рис. 4, 3) и формы 3 менкендорфского типа (рис. 4, 2, 4), а также конической миски (рис. 4, 1). Но в отличие от остальных сосудов данных групп эти экземпляры «посажены» на поддон. Миска и один из менкендорфских сосудов не орнаментированы, а гросс-раденский сосуд украшен по плечу двумя псевдоваликами с гребенчатыми наколами и многорядной волной, второй менкендорфский сосуд имеет типичную менкендорфскую орнаментацию — так называемый городчатый орнамент (рис. 4, 4). Примечательно, что верхняя часть сосудов подправлена на гончарном круге, а поддон сформован вручную. Поселение существовало в пределах исхода IX в. и весь X в., с вероятным выходом в XI в. Но поскольку особенности профилировки верхней части чаш на поддоне вполне определенно связывают их с гросс-раденским и ранними менкендорфскими типами, то, опираясь на общую хронологию данных групп западнославянской керамики (Кетрке, 2001. S. 239), можно говорить, что употребление подобных сосудов в западнославянском обществе за пределы X в. не выходит, и, таким образом, они одновременны сосудам на поддоне памятников Северо-Западной Руси.

Местонахождение наиболее выразительного и богато украшенного сосуда на поддоне из Гросс Радена (рис. 4, 3) связано с обширной столбовой постройкой, которую автор раскопок определил в качестве своеобразного храма — культового сооружения. Гнёздовская чаша, несомненно, также была связана с культовыми функциями. Прежде всего на это указывает воск, который заполнял ее

Рис. 4. Чаши на поддонах. Германия, Гросс Раден (Schuldt, 1981)

Fig. 4. Bowls on a pedestal. Germany, Gross Raden (Schuldt, 1981)

наполовину. Можно привести достаточно много примеров археологических наблюдений, связанных с находками воска, и целый ряд работ, где такие наблюдения интерпретируются. Самый близкий для темы статьи пример — это исследование Т. А. Пушкиной, посвященное воску и свечам в древнерусских погребениях преимущественно последних десятилетий X в. (Пушкина, 1997. С. 122–127). В материковых ямах на раскопе Неревского конца наряду с жертвенными животными и приношениями в ковшах и сосудах были найдены восковая свеча и полукруглые куски воска (Седов, 1956. С. 138–141; Миронов, 1967. С. 215–227). Воск — неперенный атрибут обрядового действия, и поэтому следует признать, что гнёздовский сосуд был предметом культово-магических практик. Еще более выразителен в этом плане контекст

находки чаши в радимичском могильнике XI в. у с. Новый Кривск. Во-первых, чаша была помещена в центр ритуального кургана над ямой, заполненной углем и золой. Во-вторых, рядом с ней находился гончарный сосуд, на дне которого с наружной стороны были изображены две свастики, крест и водоплавающая птица — символ души умершего. И, конечно же, тот факт, что из шести более-менее целых (или хорошо восстановленных) форм посуды на поддоне Северо-Западной Руси три были связаны с погребальным обрядом, также говорит в пользу обрядового предназначения такого рода чаш.

Сосуды на поддоне в ареале западного славянства — столь же редкое явление, как и чаши из памятников Северо-Западной Руси. Подобные формы на других поселениях с менкендорфской керамикой (как, впрочем,

Рис. 5. Чаши на поддонах. Польша, олштынская группа, V–VII вв.: 1 — Щитно, погребение № 6; 2 — Тумяны, погребение № 68 (Nowakowski, 1989. Tabl. II, a; Tabl. IV, b; Tabl. V, a, b); 4 — Косево, погребение № 219. Суда́вская культура, VI–VII вв.: 3 — Кшивулька-11, погребение № 4 (Jaskanis, 1963. Tabl. III, 10)

Fig. 5. Bowls on a pedestal. Poland, Olsztyn group, 5th–7th century: 1 — Szczytno, burial no. 6; 2 — Tumiany, burial no. 68 (Nowakowski, 1989. Tabl. II, a; Tabl. IV, b; Tabl. V, a, b); 4 — Kosewo, burial no. 219. Sudovian culture, 6th–7th century: 3 — Krzywólka-11, burial no. 4 (Jaskanis, 1963. Tabl. III, 10)

и с любой другой западнославянской керамической группой) неизвестны. Можно предполагать, что данное явление реликтовое и было следствием каких-то общих процессов, предшествующих сложению как западнославянской керамической группы Менкендорф, так и керамического комплекса культуры сопок и курганной культуры Верхнего Поднепровья. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые более ранние материалы, которые ярко иллюстрируют наличие общей культурно-этнической традиции, возникшей в период, предшествующий сложению культурных славянских провинций VIII–X вв.

В коллекциях могильников и малоисследованных поселений олштынской группы⁶, располагавшейся на территории Мазурского Поозерья во второй половине V — начале VIII в., выделяются чашеобразные сосуды на поддонах разной высоты, «пухары на пустых ножках» — по терминологии польских археологов (рис. 5, 1, 2, 4) (Nowakowski, 1989. S. 101–147). Наиболее характерны они для погребальных памятников с трупосожжениями. Чашевидные сосуды на поддоне связаны с отпращиванием погребальных обрядов, которые

⁶ Варианты: мазуро-германская культура, мазурская группа.

Рис. 6. Чаши на поддонах. Польша, судавская культура, конец V — VI в.: 1 — Червоны Двур, курган № 26, погребение № 127b (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b); позднеримский период: 2 — Хемма, курган № 26, 4 — Осова, курган № 45 (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c); V–VI вв.: 3 — Бильвиново, курган № 7, погребение № 6 (Kaczyński, 1961. Tabl. X, 3b, 4a)

Fig. 6. Bowls on a pedestal. Poland, Sudovian culture, late 5th–6th century: 1 — Czerwony Dwór, barrow no. 26, burial no. 127b (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b); Late Roman period: 2 — Hemma, barrow no. 26, 4 — Osowa, barrow no. 45 (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c); 5th–6th cen.: 3 — Bilwinowo, barrow no. 7, burial no. 6 (Kaczyński, 1961. Tabl. X, 3b, 4a)

практиковались в эпоху поздней римской империи и эпохи переселения народов племенами, населявшими территории южного побережья Балтики (включая, например, и будущие прусские племена). На территории Самбии, в самбийско-натангийской культуре (Суворово, Большое Исаково, Митино), сосуды на поддонах встречаются со второй половины IV в. и до начала VIII в. (Кулаков, 1990. С. 107. Табл. XIII, 1; XXIII, 4; Skvorzov,

2007. S. 160. Taf. 14, 1; S. 170. Taf. 24, 13; S. 191. Taf. 45, 1; Скворцов, 2010. Ч. 1. С. 119–120; Ч. 2. С. 473. Табл. CCCLX; С. 704. Табл. DXCVIII). В погребениях Сувалкии, в судавской культуре (Хемма, Осова — рис. 6, 2, 4), поддоны появляются на местных конических мисках уже в позднеримский период (Nowakowski, 1989. Tabl. X, b, c). Начиная с середины V и до конца VI в. чаши на поддонах принадлежат не только местным судавским формам

(Кшивулька — рис. 5, 3) (*Jaskanis*, 1963. S. 289. Tabl. II, 3; S. 291. Tabl. III, 10), но также импортом из района олштынской культуры (Бильвиново, Червоны Двур и др. — рис. 6, 1, 3) (*Kaczyński*, 1961. Tabl. X, 3b, 4a; *Nowakowski*, 1989. Tabl. I, a, b; IV, c; V, b; *Szymański*, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127b; Tabl. X XXI, 3).

На рубеже I–II вв. в пшеворской культуре цилиндрикообразная придонная часть глубоких мискообразных сосудов трансформируется в полый поддон (рис. 7, 5–7). Происходит это в процессе подражания гончарным вазам-фруктовницам на высоких ножках — импорту из области липицкой, Поянешты-Выртешкой и других позднедакийских культур. Лепные чашевидные и вазовидные сосуды на высоких пустых ножках (типы 49, 50, 53 по Г. Добжанской) в Пшеворе встречаются вплоть до конца III — начала IV в. (рис. 7, 1–4). Особенно характерно данное явление для памятников пшеворской культуры, расположенных к востоку от Вислы (*Оледзки*, 2002. С. 88–89. Рис. 3, 30). В. Новаковский в своем исследовании утверждает, что именно пшеворские формы позднеримской эпохи послужили в качестве исходных для олштынских «пухар на пустой ножке» середины V — начала VIII в. (*Nowakowski*, 1989. S. 101–147. Tabl. XIII, b, c, d, e). Но влиянию южного импорта в какой-то мере были подвержены и вельбаркцы: на некоторых памятниках цецильской стадии встречаются различной формы лепные, чаще гончарные сосуды на поддонах (*Кухаренко*, 1980. С. 101. Табл. VIII, в; *Praehistoria ziem polskich*. S. 149. Tabl. XXVI, 18, 19; *Okulicz*, 1988. S. 120. Рис. 10, b–d).

Связь гросс-раденских сосудов на полых поддонах с западнобалтскими формами достаточно вероятна, так как на протяжении второй половины V — VI в. и первой половины VII в. наблюдается тенденция к продвижению балтских племен в западном направлении к устью Вислы (*Godłowski*, 1980. S. 105–106. Karte 6, 7; *Кулаков*, 2003. С. 97). Памятники эпохи переселения народов (V–VII вв.) на территории польского и германского побережий Балтики исследованы пока недостаточно. Но, по-видимому, балтские

элементы проникали далеко на запад. Об этом свидетельствуют, например, находки типичных фибул балтского типа VI — первой половины VII в. и конца VII — начала VIII в. на достаточно обширных территориях балтийского бассейна, включая Северо-Восточную Германию (*Unversagt, Herrmann*, 1958. S. 107–110. Tabl. 15; *Vofß*, 1991. S. 296–297. Abb. 1a; *Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 17)⁷. Правда, при этом следует учитывать факт субстратного влияния некоторых германских форм на структуру набора менкендорфской керамики (*Kempke*, 1984. S. 45–47; *Горюнова*, 2005. С. 86–87). В случае с гросс-раденскими чашами мы имеем дело с гибридной формой, сочетающей реликтовые германские черты (гросс-раденский тип посуды) и западнобалтский (в конечном итоге — пшеворский) конструктивный прием оформления придонной части чаши в виде полого поддона. При этом в Гросс Радене среди сосудов на поддоне сохранились и балтские древние формы в виде конической миски (ср.: рис. 4, 1 и рис. 6, 2, 4)⁸.

Но если материал Гросс Радена позволяет говорить о прямом продолжении некоторых традиций, зародившихся еще во II–V вв. и

⁷ Не последнюю роль при этом играли морские пути. См: Казанский, Мاستыкова, 2013. С. 97–112.

⁸ Чаши на поддоне — не единственный реликт предшествующего времени, вошедший в керамическую культуру западного славянства. Так, гросс-раденская керамическая группа Х в. продолжает традиции полированных сосудов германского облика, которые присутствуют в Гольштинии в нижних слоях некоторых славянских городищ (*Kempke*, 1984. P. 137). В Ольденбурге в нижних слоях присутствует типичная германская керамика и типичные для первой половины I тыс. н. э. маленькие ушковидные ручки (*Kempke*, 1984. Taf. 7, 8, 9 — группа p; Taf. 9, 8; Taf. 11, 11; Taf. 36, 6, 7, 9; Taf. 41, 4; Taf. 41, 1–3). Такие же маленькие ручки (или ушковидные ручки) есть в материалах Любека IX в. на керамике суковского типа или на близких ей лепных формах (*Andersen*, 1981. Abb. 39, 43. Abb. 38, 10). В Гросс Радене такие детали присутствуют направленной керамике (*Schuldt*, 1981. S. 44. Taf. 64, VIII–627; XX–74; XXXIX–578). В Гросс Радене особенно распространены формы сосудов и отдельные элементы орнамента, характерные для керамических комплексов первой половины I тыс. н. э. и эпохи переселения народов (*Schuldt*, 1981. Taf. 28, VIII–1020; Taf. 65).

Рис. 7. Чаши на поддонах. Польша, пшеворская культура. Хмелю Пясковы: 1 — погребение?; 2 — погребение № 43; 3 — погребение № 24 (Godłowski, Wichman, 1998. Taf. XXXIII, 2; Taf. LXIX, 2; Taf. LXXXV, 2); Коженью: 4, 5 — погребение № 22; 6 — погребение № 21; 7 — погребение № 8 (Nowakowski, 1989. Tabl. XIII, b, c, d, e)

Fig. 7. Bowls on a pedestal. Poland, Przeworsk Culture. Chmieló Piaskowy: 1 — burial(?); 2 — burial no. 43; 3 — burial no. 24 (Godłowski, Wichman, 1998. Taf. XXXIII, 2; Taf. LXIX, 2; Taf. LXXXV, 2); Korzeńiu: 4, 5 — burial no. 22; 6 — burial no. 21; 7 — burial no. 8 (Nowakowski, 1989. Tabl. XIII, b, c, d, e)

внесенных в раннеславянский континуитет остатками германских и балтских племен южно-балтийского побережья в момент активного освоения этих территорий славянскими племенами в VII — начале VIII в., то для территории Северо-Запада Восточной Европы предположение о подобном прямом заимствовании керамических форм гораздо менее документировано. Оно не так явно лежит на поверхности.

Прямое воздействие пшеворских или вельбаркских племен можно наблюдать лишь на западнобалтские племена II–V вв., а появление чаш на полом поддоне в культуре Северо-Западной Руси IX–X вв. следует считать результатом инфильтрации уже балтских керамических форм в период формирования культур псковских длинных курганов, Тушемли и Банцеровщины, на основе которых в VIII в. возникают культура сопки и курганная культура Северной Белоруссии и Верхнего Поднепровья. Можно предполагать, что внедрение этой традиции происходило в контексте других западнобалтских элементов материальной культуры. Начало распространения культуры псковских длинных курганов сопровождалось воздействием западных культурных элементов, связанных с кругом племен германского или западнобалтского происхождения. Об этом достаточно много в свое время писали В. В. Седов, М. М. Казанский, С. Ю. Каргопольцев, М. Б. Шукин, Е. Р. Михайлова и ряд других авторов, опираясь в основном на предметы вооружения и набора украшений второй трети V — первой четверти VI в. (Казанский, 1999. С. 404–417; Каргопольцев, Шукин, 2002. С. 76–90; Седов, 2005. С. 12–24; Михайлова, 2018. С. 173–184)⁹. При этом керамические материалы не привлекались, да как будто и не было для этого никаких оснований. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, разработавшие концепцию формирования культуры псковских длинных курганов

на основе керамических комплексов, связывали истоки этой культурной общности с памятниками Северной Белоруссии и Верхнего Поднепровья III–V вв. (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 100–103).

И все же некоторые наблюдения над отдельными керамическими формами позволяют констатировать наличие в материале псковских длинных курганов единичных экземпляров посуды, связанных своим происхождением, так же как и чаши на поддоне, с территорией западных балтских культур. Речь идет о двух лепных сосудах, которые привлекают внимание своей не совсем обычной профилировкой (рис. 8, 1, 4). Это горшок третьей четверти I тыс. н. э. из кургана № 3 могильника, расположенного близ Ореховска в междуречье Днепра и Западной Двины (Плавинский, 2017. С. 143. Мал. 123, 2) и сосуд из кургана № 3 V–VIII вв. могильника Лезги Псковско-Чудского региона (Лопатин, 2009. С. 82. Рис. 2, 7). На мой взгляд, они выпадают из типологической схемы, разработанной Н. В. Лопатиным.

Сосуд из Лезги, судя по контексту работ Н. В. Лопатина, отнесен им к типу Р-4 (реберчатые горшки), хотя при описании типа ссылки на рисунок данного сосуда не сделаны. У слабопрофилированных сосудов типа Р-4 ребро имитируется округлым или заостренным валиком, сформированным на почти прямой стенке горшка (Лопатин, 2003. С. 54). Сосуд из Лезги не соответствует этим признакам. Его ребристость определяется выраженным изгибом стенки, подчеркнутым снаружи довольно резким переходом от намеченной округлости плеча к плавно выгнутой шейке, валик отсутствует (рис. 8, 1) (Лопатин, 2003. Ср.: С. 45. Рис. 1 и С. 51. Рис. 7, 7; Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 98, 99. Рис. 49, 50). Истоки таким образом оформленного плеча, на мой взгляд, следует искать в западнобалтских материалах, в частности, близкие аналогии можно найти в погребениях последней четверти IV — V в. судавской культурной группы Мазовского поозерья и в могильниках V — начала VI в. самбийско-натангийской группы Самбийского полуострова (рис. 8, 2, 3)

⁹ Е. Р. Михайлова опиралась также на обряд (в том числе — конские захоронения) и курганные конструкции, но эти элементы обряда и конструкции связывала с восточнолитовскими курганами как с наиболее близкой к ареалу длинных курганов культурной общностью.

Рис. 8. Сосуды из памятников культуры псковских длинных курганов (1, 4) и западных балтов (2, 3, 5, 6): 1 — Лезги, погребение № 3 (V–VIII вв.) (Лопатин, 2009. Рис. 2, 7); 4 — Ореховск, погребение № 3 (третья четверть I тыс. н. э.) (Плавинский, 2017. Мал. 123, 2); Самбийско-натангийская культура, Большое Исаково: 2 — погребение № L-17; 6 — погребение № L-20 (Skvorzov, 2007. Taf. 20, 1; Taf. 24, 13); Польша, судавская культура: 3 — Червоны Двур, курган № 26, погребение № 122 (Szymański, 2018. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1); 5 — Шурпиły, курган № XV (Żurowski, 1961. Tabl. XIV, 1)

Fig. 8. Pottery from sites of the culture of Pskov long barrows (1, 4) and of Western Balts (2, 3, 5, 6): 1 — Lezgi, burial no. 3 (5th–8th cen.) (Лопатин, 2009. Рис. 2, 7); 4 — Orekhovsk, burial no. 3 (third quarter of the 1st millennium AD) (Плавинский, 2017. Мал. 123, 2); Sambia-Natangia culture, Bolshoye Isakovo: 2 — burial no. L-17; 6 — burial no. L-20 (Skvorzov, 2007. Taf. 20, 1; Taf. 24, 13); Poland, Sudovian culture: 3 — Czerwony Dwór, barrow no. 26, burial no. 122 (Szymański, 2018. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1); 5 — Szurpiły, barrow no. XV (Żurowski, 1961. Tabl. XIV, 1)

(Skvorzov, 2007. S.166, Taf. 20, 1; S.117, Taf. 31, 1; S. 215, Taf. 69, 1; Szymański, 2018. S. 158. Tabl. XXXII, obiekt 122, 1).

Материалы Ореховска в своих работах Н. В. Лопатин не учитывал. М. А. Плавинский в недавно опубликованной монографии лепные урны из Ореховска отнес к наборам типов Дорохи и Жеребятино, ссылаясь

на работу Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева 2007 г. (Плавинский, 2017. С. 144). Но территориально могильник Ореховска не соответствует регионам, выделенным для этих наборов (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 93. Рис. 44). Резко профилированный сосуд из Ореховского комплекса по своим особенностям так же, как и горшок из Лезги, не вписывается

в типологическую схему Н. В. Лопатина. Низко посаженное, почти на середине высоты ребро, слегка суженная, плавно переходящая в венчик верхняя часть, приземистость — все это практически один к одному соответствует, например, сосудам IV — первой половины V в. из могильника Большое Исаково самбийско-натангийской культуры и очень близко для профилировки форм погребений V — середины VII в. могильника Шурпины из Сувалкии (рис. 8, 4, 5) (*Skvorzov*, 2007. S. 160. Taf. 14, 3. S. 166. Taf. 20, 1. S. 170. Taf. 24, 13. S. 206. Taf. 60, 19; *Żurowski*, 1961. Tabl. XIV, 1). Дополнительный материал в плане проявления каких-то импульсных внедрений западно-балтских форм в местную керамическую провинцию можно выделить в коллекции Лукомля второй–третьей четверти I тыс. н. э. Ребристая лощеная миска с зигзаговидным профилем в верхней трети и биконический горшок с выделенным и отогнутым наружу венчиком и четко обозначенным горлом по своим пропорциям и профилировке в достаточной степени чужды основному набору коллекции (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 447. Рис. 348, 7, 8)¹⁰. Близкие параллели этим формам существуют в комплексах судавской культуры, например, в курганах V — первой половины VI в. могильника Бильвиново (*Kaczyński*, 1961. Tabl. VIII, 5b, IX, 5, XIII, 4b, 10), в погребениях VI–VII вв. Кшивульки (*Jaskanis*, 1963. S. 289. Tabl. II, 1; III, 1) и в захоронениях V — середины VII в. могильника Шурпины (*Żurowski*, 1961. Tabl. XV, 1; XVIII, 14).

И в заключение несколько слов еще об одном балтском элементе на керамике длинных курганов междуречья Днестра и Подвинья. На реберчатом лепном сосуде из кургана № 31 у дер. Русанова Гора Духовщинского р-на

(к северо-востоку от Смоленска) по ребру наклеплены шишечки: парные чередуются с одиночными (*Спицын*, 1906. С. 193; *Станкевич*, 1950. С. 198–199. Рис. 5, 8). Вероятно, появление ребристого сосуда с таким украшением — результат влияния той же судавской культуры, в которой парные и одиночные наклепные шишечки на плече или ребристом изломе горшков были достаточно распространенным явлением в V–VI вв. (*Szymański*, 2018. Tabl. VIII, *obiekt* 117a; XVIII, *obiekt* 120b; XXI, *obiekt* 132, 3; XXV, *obiekt* 133d, 1; XXVI, *obiekt* 133h). Присутствуют они и на посуде соседней самбийско-натангийской культуры в гораздо более раннее время — в III — начале V в. (*Skvorzov*, 2007. S. 175. Taf. 29, 1. S. 179. Taf. 33, 1). Подобный прием на бывшей территории культуры псковских длинных курганов сохраняется, по-видимому, довольно длительное время, проявившись в керамическом комплексе, традиционном уже для смоленских длинных курганов VIII–X вв. В могильнике Скарбы на слабопрофилированном горшке по плечу наклеплены парные шишечки (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 427. Рис. 390, 3).

Инфильтрация посуды западнобалтских форм, вероятно, была неоднократной и в конце концов сыграла свою роль в трансформации керамического комплекса части псковских длинных курганов, что привело к появлению значительной группы реберчатых форм в сопочной культуре. Надо сказать, что в пределах культуры полоцких длинных курганов, а также и Банцеровщины, наблюдается почти полное изживание традиции изготовления сосудов, ребро которых формировалось бы изломом стенки (*Лопатин, Фурасев*, 2007. С. 101–102. Рис. 51–52). В культуре полоцких длинных курганов ребро имитировалось созданием валика на слабоизогнутой или почти прямой стенке горшка. Речь об этом приеме шла выше. Среди банцеровской посуды всего два сосуда имеют ребристый излом стенки. Н. В. Лопатин говорит, что это редкие, единичные экземпляры, выходящие за пределы типологии (*Лопатин*, 2018. С. 62. Рис. 8, 9, 11). Поэтому, на мой взгляд, основы для так называемого «ладожского» горшка в пределах керамической традиции полоцких

¹⁰ И. И. Еремеев, учитывая находки вещей с эмалями, считает, что часть керамических материалов Лукомля, в том числе указанные нами биконический горшок и лощеная миска, могут быть датированы второй четвертью I тысячелетия н. э. Но даже если это и так, то все равно данные формы также не соответствуют керамической типологии древностей круга Заозерье–Узмень (см. *Лопатин, Фурасев*, 2007. С. 33–35. Рис. 11–13. С. 41, 102. Рис. 52).

Рис. 9. Сосуды судавской культуры, Червоны Двур, курган 26: 1 — погребение № 127;
2–5 — погребение № 133 (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127c. Tabl. XXIII, 2–4. Tabl. XXIV, 5)

Fig. 9. Pottery of the Sudovian culture, Czerwony Dwór, barrow no. 26: 1 — burial no. 127;
2–5 — burial no. 133 (Szymański, 2018. Tabl. XIX, obiekt 127c. Tabl. XXIII, 2–4. Tabl. XXIV, 5)

длинных курганов уже не существовало. Помимо тех сосудов, о которых речь шла выше (Ореховск, Лезги, Лукомль, Русанова Гора), прототипами для ребристых горшков IX–X вв. Новгородской земли могли послужить и другие отдельные образцы форм посуды судавской культуры (рис. 9). Учитывая комплексную связь чаш на поддонах с вышеприведенными формами, отклоняющимися от общей типологической схемы не только керамики длинных полоцких курганов, но и Банцеровщины, Тушемли и предшествующей им культурной группы Заозерье–Узмень, я позволила себе в качестве гипотезы высказать вышеизложенное предположение о вполне реальной роли западнобалтских импульсов в формировании реберчатых форм

в керамическом комплексе сопочной культуры. Связано ли это с перемещением значительных западнобалтских групп рядового населения? Трудно сказать что-либо определенное, но следует отметить, что на протяжении VI–VII вв. на Самбийском полуострове происходили какие-то процессы, которые привели к значительным структурным изменениям в культуре Долькайм–Коврово и ее влиянию на соседние культуры. Экспансия племен Самбийского полуострова, вероятно, послужила причиной не только полного исчезновения к VIII в. олштынской группы памятников, но и запустевания начиная с конца VI — начала VII в. значительных территорий судавской культуры (Wróblewski, 2006. S. 289. Rys. 2; Szymański, 2018. S. 99–100).

Авдусин, Пушкина, 1986 — Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1985 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. 1986. Ф-1. Р-1. № 10927. С. 126–129.

Горюнова, 2005 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).

Еремеев, Дзюба, 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 668 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXIII).

Казанский, 1999 — Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. № 6. С. 404–417.

Казанский, Мастыкова, 2013 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху великого переселения народов // Археология Балтийского

региона / Ред. А. Н. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.

Каргопольцев, Шукин, 2002 — Каргопольцев С. Ю., Шукин М. Б. Новая находка оружия позднеримского времени на западе Ленинградской области // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 76–90.

Кулаков, 1990 — Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1990. 166 с. (Археология СССР. САИ. Вып. Г1–9).

Кулаков, 2003 — Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кухаренко, 1980 — Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин / Ред. А. К. Амброз. М.: Наука, 1980. 128 с.

Линденков, 2018 — Линденков Д. Н. Керамика в погребальном обряде курганного могильника у д. Новый Кривск // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы МНК, посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загоруйского (Минск, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: Белорусский ГУ, 2018. С. 158–163.

Лопатин, 2003 — Лопатин Н. В. О происхождении и локальной специфике керамического

- набора культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин, 2009 — Лопатин Н. В. Комплекс памятников у дер. Лезги // Археология и ранняя история (до 1920 года). Тарту: Эстонский национальный музей, 2009. Т. 2: Сетумаа. С. 81–83.
- Лопатин, 2018 — Лопатин Н. В. Керамика городищ Тушемля и Банцеровщина: к вопросу о тушемлинско-банцеровской культуре // РА. 2018. № 4. С. 53–65.
- Лопатин, Фурасьев, 2007 — Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / Ред. С. А. Плетнёва, И. П. Русанова. М.: ИА РАН, 2007. 251 с. (Раннеславянский мир. Вып. 8).
- Ляўданскі, 1930 — Ляўданскі А. М. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. Менск, 1930. 326 с. (Працы археолёгічнай камісіі. Т. II).
- Миронов, 1967 — Миронов В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. 1967. № 1. С. 215–227.
- Михайлова, 2018 — Михайлова Е. Р. «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тысячелетия нашей эры: Материалы МНК, посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загоруйского (Минск, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: БГУ, 2018. С. 173–184.
- Носов, Плохов, 1991 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской Земли 1990 / Ред. В. Л. Янин, Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков. М., 1991. С. 117–149.
- Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154 (Тр. ИИМК РАН. Т. XVIII).
- Оледзки, 2002 — Оледзки М. Вельбарская и пшеворская культуры на рубеже раннего и позднего римского периодов. Динамика поселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении // Гістарычна-археалагічны зборнік / Рэд. А. А. Каваленя. Мінск: Выд. Беларус. навука, 2002. № 17. С. 84–95.
- Плавінскі, 2017 — Плавінскі М. А. Курганны могільнік Пагошча ў кантэксте сінхронных старажытнасцей Браслаўскага Паазер'я. Мінск: Выд. А. М. Янушкевіч, 2017. 240 с.
- Пушкина, 1973 — Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнёздовского селища // Вестник МГУ, история / Ред. И. И. Тучков. М.: Изд-во МГУ, 1973. № 3. С. 87–92.
- Пушкина, 1997 — Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: Изд-во ГИМ, 1997. С. 122–127 (Тр. ГИМ. Вып. 93).
- Седов, 1956 — Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 138–141.
- Седов, 2005 — Седов В. В. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. 2005. Вып. 218. С. 12–24.
- Сениченкова, 1998 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Рукопись дис. ... канд. ист. наук.: Альбом. СПб., 1998 // Научно-отраслевой архив ИИМК РАН. Ф-2, 35. Оп. 2-д. Д. № 586.
- Скворцов, 2010 — Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010. Ч. I, 302 с. Ч. II, 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Соловьева, 1971 — Соловьева Г. Ф. Славянские курганы близ с. Новый Кривск // КСИА. 1971. Вып. 125: Памятники славяно-русской археологии. С. 65–68.
- Спицын, 1906 — Спицын А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. [СПб.]: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 185–211.

- Станкевич*, 1950 — *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. По материалам раскопок 1947 г. // *СА*. 1950. Т. XIV. С. 187–216.
- Andersen*, 1981 — *Andersen H. H.* Der älteste Wall von Lübek. Zur Baugeschichte des Ringwalles // *Lübeker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte*. Bonn, 1981. Bd. 5. S. 81–133.
- Bitner-Wróblewska*, 2001 — *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Godłowski*, 1980 — *Godłowski K.* Zur Frage der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sahcsenforschung*. 1980. № 2. S. 63–106.
- Godłowski, Wichman*, 1998 — *Godłowski K., Wichman T.* Chmieló Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokzyskie-Gebirge. Kraków: Secesja, 1998. 190 s. (*Monumenta Archaeologica Barbarica*. T. VI.).
- Jaskanis*, 1963 — *Jaskanis D.* Cmentarzysko kurhanowe w miejscowości Krzywólka, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. T. IV / Ed. T. Dzierżykraj-Rogalski. Białostock: Wydawn. Naukowe, 1963. S. 279–340.
- Kaczyński*, 1961 — *Kaczyński M.* Cmentarzysko z V–VI wieku w miejscowości Bilwinowo, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki*. T. II / Ed. T. Dzierżykraj-Rogalski. Białostock: Wydawn. Naukowe, 1961. S. 199–276.
- Kempke*, 1984 — *Kempke T.* Starigard // Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien. 2. Die Keramik des 8–12. Jahrhunderts. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984. (*Offa-Bücher*. Bd. 53).
- Kempke*, 2001 — *Kempke T.* Slawische Keramik // *Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 2001. Bd. 1. S. 209–256.
- Mikhaylova*, 2014 — *Mikhaylova E. R.* Kotor-sky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // *Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries*. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / Ed. H. Valk. Tartu, 2014. S. 209–238. (*Muinasaja Teadus*, 24. *Proceedings of the Learned Estonian Society*, 37).
- Nowakowski*, 1989 — *Nowakowski W.* Studia nad ceramiką zachodniobałtyjską z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. pucharów na pustych nożkach // *Barbaricum 1* / Red.: J. Okulicz-Kozaryn. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. S. 101–147.
- Okulicz*, 1988 — *Okulicz J.* Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI–VII w.n.e.) // *Pomorania Antiqua*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. T. XIII. S. 103–133.
- Prahistoria ziem polskich*, 1981 — *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo PAN, 1981. T. 5: Pozny okres latenski i okres rzymski. 466 s.
- Schuldt*, 1981 — *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg*. Berlin, 1981. Bd. 14. 250 S.
- Skvorzov*, 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bolšoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg): Katalog der Funde aus Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. 2007. Bd. 61/62, 2004/2005. S. 111–219.
- Szymański*, 2018 — *Szymański P.* Chronologia gołdapskiej grupy kulturowej w okresie wędrówek ludów. Warszawa: Institut für Archäologie Warschauer Universität, 2018. 210 s. (*Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages*. Vol. XX).
- Unversagt, Herrmann*, 1958 — *Unversagt W., Herrmann J.* Das slawische Brandgräber von Prützke, Kr. Eberswalde // *Ausgrabungen und Funde*. Berlin, 1958. Bd. III. H. 2. S. 107–110.
- Voß*, 1991 — *Voß H.* Das Fragment einer baltischen Armbrustprossenfibel von Seek, Kr. Perleberg // *Ausgrabungen und Funde*. Berlin, 1991. Bd. 36. S. 107–110.
- Wróblewski*, 2006 — *Wróblewski W.* Ziemie pruskie i jaćwieskie w okresie plemiennym (VII/VIII–XII/XIII wieku) // *Stan I potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce — 15 lat później*. Toruń; Wrocław, 2006. S. 285–309.
- Żurowski*, 1961 — *Żurowski T.* Sprawozdanie z badań w 1957 r. cmentarzyska kurhanowego na stanowisku 2 we wsi Szurpiły pow. Suwałki // *Wiadomości Archeologiczne*. Warszawa, 1961. T. XXVII. Z. 1. S. 58–81.

A relict Bowl from Gnezdovo

V. M. Goryunova

This article considers rare forms of stucco ware, parallels to which are found in the culture of sopki (Zolotoye Koleno, Old Ladoga, Kotorsk) and the Menkendorf ceramic province (Germany). The origins of these forms can be found in Przeworsk culture of the 2nd — early 4th century. In the second half of the 5th century this form penetrated the region of the Olsztyn group of the Western Baltic culture. The hollow pedestal bowls may be considered as the substrate manifestation of the relict Central European cultural elements, both in the regions of the West Slavic tribes and the sopka culture. It is assumed that the bowls on a hollow pedestal were used in the practice of religious rituals and, in particular, during burials according to the cremation rite. The findings from Gnezdovo make it possible to supplement the arguments of supporters of the existence of a common basis for the cultures of sopki and the Smolensk long kurgan cultures in the period preceding the formation of these regional phenomena in the northwest of Eastern Europe.